

О правилах ударения в пушту

Трофимов А. А., ШАГИ РАНХиГС

Г. Моргенстьерне в 1942 г. выпустил важную статью *Archaisms and innovations in Pashto morphology* (NTS 12).

В первой, а также в третьей части работы исследователь обсуждает особенности именной морфологии пушту;

Вторая часть (с. 95-98; § 9-12) посвящена описанию форм, указывающих на сохранение в пушту следов праиранского разноместного ударения.

Исследователь осторожно указывает на ряд основ с сохранением ведийского места ударения (*áspra* ‘лошадь’ ~ вед. *ásva-*; *stórau* ‘звезда’ ~ вед. *tāraḥ-*) и справедливо указывает, что прилагательные и имена на *-au* (< **-aka*) могут иметь различное ударение в зависимости от баритонезы или окситонезы в языке.

На значительном материале в своей статье 1974 года «Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентуации» В. А. Дыбо показал, что баритонеза и окситонеза в пушту в целом соответствует баритонезе и окситонезе в ведийском. Имена на *-au* показывают ударение по контрасту.

Barytona

stána f. (*stən*) ‘колонна’ < **stúnā-*, вед. *sthūṇā-* ‘колонна; столб’.

wána ~ *wúna* f. ‘дерево’ < **wánā-*, вед. *vānam* n. ‘лес, дерево’, авест. *vanā-* ‘дерево’

wáwra f. ‘снег’ < **wáprā* ~ **wápra-*, ср. др.-инд. *váprā-* f. ‘fireplace’, *vápra-* m. ‘a rampart, earth-work, mud-wall’

lāra ‘дорога’, диал. *lyār* < **ráθyā* или **ráθī-*; вед. *ráthyā-* ‘имеющий отношение к возу’

Охутона

um, f. *umá* ‘сырой, недоваренный; неспелый’ < **āmá-*, вед. *āmá-*, греч. *ώμος* ‘сырой, неспелый’
sur, f. *srá* ‘красный’ < **śuxrā-*, вед. *śuklā-* ‘ясный, светлый, блестящий, белый’
wrārá m. (41) ‘племянник (сын брата)’ < **brātr̥v(i)yá-*, ср. др.-инд. *brātr̥vyá-* ‘племянник’;
ūmá m. (42) ‘эфедра, хвойник’ < **haumyá-*, ср. др.-инд. *somyá-* ‘относящийся к соме, связанный с сомой’.

Cheung 2009: Selected Pashto problems I: The accent in Pashto

Cheung 2011: Selected Pashto problems II. Historical Phonology 1: On Vocalism and Etyma

В первой части работы исследователь необоснованно критикует статью В. А. Дыбо, называя ее «little more than a catalogue of Pashto forms» предлагает следующие правила:

Based on the forms above, we may attempt to formulate the rules effecting the accent shift.

– *Disyllabic* (the accent of the preform has been primarily constructed on the basis of its Skt. cognate form):

1. $\acute{\ } \acute{\ }$: e.g. *orá* < **abrám*, *nar* < **nára-*, *psə* < **pasú-*, pron. *zə* < **azám*, *tə* < **tuwám*
2. $\acute{\ } \grave{\ }$: e.g. *ās* < **áswa-*, *ɣwaǵ* < **gáuša-*, *ɣar* <(<) **garHá*²⁸ (< PIIr. **grHí-*), *lor* < **dáθram*, *lās* < **hásta-*, *num* < **náma*, *nən* < **nūnám*, *skām* < **skambá-*, *uǵ* < **úštra-*, adj. m. *məṛ* (< **múrdū* < **mṛ^utú*) < **mṛtám*, *pəṇ* (< **púrnu* < **pṛ^unú*) < **pṛnám*, *wuč*, *wəč* < **húška-*
wo < **wáta-*, *yəǵ* (< **írž* < **íⁱžī*) < **Hṛⁱθsah*²⁹, adj. m. *kuṇ* < **karná-*, *stər* < **stūrá-*,
um, *om* < **āmá-*, *yaw*, *yow* < **aiwá-*, *žər* < **zírá-*
3. $\acute{\ } \grave{\ }$: e.g. *mlā* (< **mělá*) < **máⁱdyā-*, *niná* (< **lěná*) < **dāⁱnyā-*, *p(ə)la* f., pl. *p(ə)lé* (< **pělá*) < **páⁱdyā-*, *špa* < **xšapá-*,
4. $\acute{\ } \grave{\ }$: e.g. *áspa* < **áswā-*, *lúma* < **dámā-*, *məryá*, *murýá* (< **mṛⁱγī*) < m. nom. sg. **mṛgáh*, *stən* f., *stána* < **stúnā-*, *yóǵa* (<) < **Hṛⁱθsā-*, *úǵa* f. < **úštrā-*, *záma*, (East.) *žáma* < **zāmbā-*, adj. f. *kaṇá* < *karná-*, *nóra* < **náⁱryā-*, *umá* < **āmá-*, f. *wáča* ‘dry’ < **húškā-*, num. *dre* < **θrāyah*, *yawá* < **aiwā-*

- a. The old accentuation would have been maintained in forms with two light syllables: no shift of accent has occurred.
- b. The accent would have fallen on the heavy syllable, regardless of the original accent, in forms with one heavy syllable and a light one.
- c. The old accentuation would have been maintained in forms with two heavy syllables: no shift of accent has occurred.

– *Trisyllabic*

4. ^{◌◌} ◌ ◌ ◌: *bán* < *hapáⁱθni-, *bar*, *bára* < *úpara-, *úparā-, *gúta* < *anguštá-, *jan* < *kaⁱnínī-, *lar* < *ádara-, *zṛə* < *zṛdáya-, *žawár*, *žawóra* < *jaⁱbirá-, *jaⁱbirá-,
5. – ◌ ◌ ◌: *dwólas* < *dwádasá-, *špāras* < *xšwárdasa-, *zyar*, *zyára* < *záⁱrita-, *záⁱritā-.
6. ◌ – ◌ ◌: *awá* < *haptaⁱtí-, *calór* < *čaθwárah-, *derš*, *dēš* < *θri(n)sáⁱti-, *nəwé*, *n(i)wí* < *nawaⁱtí-, *panjós*, *pinjos(t)* < *pančāsát-, *šəl*, *wšəl* < *wi(n)saⁱtí-, *zər* (< *hazáⁱrī) < pl. *hazáhra-.

- a. The accent would normally fall on the penultimate syllable in trisyllabic forms, except when the accent was originally on the initial, heavy syllable.

– *Tetrasyllabic*:

7. ◌ ◌ ◌ ◌: *calwéxt* < *čaθwāⁱri(n)sát-

Данные правила, как можно видеть, достаточно сложны и по сути предполагают сохранение праиранского ударения в основах с двумя краткими и двумя долгими слогами и передвижение ударения на долгий слог в двусложных словоформах, когда другой является кратким. Получается объединение подхода В. А. Дыбо и правил ударения для среднеиранских языков (зависимость от долготы).

Тем не менее, есть явные исключения:

wána ~ *wína* ‘дерево’ < **wánā*-, начальное ударение которого Дж. Ченгу приходится объяснять как результат аналогического переноса из композитов вроде *xa-wína* ‘оливковое дерево’ (Cheung 2009: 115), что не кажется правдоподобным.

śána ‘наружная часть стены; защита’ < **kán(y)ā*- ? (NEVP: 20)
pal ‘ступня, след’ < **padá*-; *cer* ‘подобие’ < **citrá*-; *lar*, *lára* ‘нижний, покоренный, незначительный’ < **urára*-.

Также неправильно приведено ударение в форме *pəŋ*, f. *pəŋá* (sic!), хотя правильное ударение f. *pəŋa*.

Такие слова, как *səl* ‘сто’ < **śatám* и др., Дж. Ченгу приходится объяснять как метатезированные из **slə*, что выглядит неправдоподобно ввиду *zrə* ‘сердце’.

Проблема: все прилагательные в мужском роде (кроме трех) и основы на **-á* на самом деле выглядят как баритонированные формы (*sur* ‘красный’, *pal* ‘ступня, след’ < **radá-*; *cer* ‘подобие’ < **citrá-*).

Есть основы вроде *mlā* ‘поясница’ < **mádyā-* и *pla* ‘жила’ < **rádyā-*

В статье В. А. Дыбо 1974 г. приведены многочисленные в целом убедительные

реконструкции большого количества исторически окситонированных основ пушту с сохранением места ударения: в последовательности изложения в статье это 15 *a*-основ женского рода, наследующих **ā*-основам, 14 прилагательных, в которых окситонеза обычно устанавливается по форме женского рода, как в *már*, f. *mṛá* ‘мертвый, умерший’ < **mṛtá*-, 15 имен на зваракай (ə), 4 имени на *-er* и *-en* и, наконец,

9 числительных, итого 58 основ (Дыбо 1974: 80-85).

В. А. Дыбо не всегда уточняет облик основ, приводя во многих случаях только древнеиндийские и/или соответствия из других индоевропейских языков, но, как будет показано, вид основы является принципиально важным. Как будет видно из последующего изложения, ни одно из этих слов не восходит к обычной *а-основе.

Примеры В. А. Дыбо на конечный зваракай (30-45)

Имена с суффиксом **i*, **(i)ya*:

- *lewá* ‘волк’ (30) < **daiwya-*, ср. др.-инд. *devyám* п. ‘божественное достоинство’;
- *ōwrá* (34) ‘облако’ < **abrya-* (хотя отсутствуют следы палатализации гласного) или **abrāh* pl.
- *trə* ~ *tərá* (40) ‘дядя по отцу’ < **pitṛv(i)ya-*, ср. др.-инд. *pitṛvyá-* ‘дядя по отцу’;

- *wrā́rə* m. (41) ‘племянник (сын брата)’ < **brātr̥v(i)ya-*, ср. др.-инд. *brātr̥vya-* ‘племянник’;
- *ī́mā* m. (42) ‘эфедра, хвойник’ < **haumya-*, ср. др.-инд. *somya-* ‘относящийся к соме, связанный с сомой’;
- *śā́rə* f. (43) ‘нож, короткий меч, бритва’ (43) < **kartí-* или **kart(i)ya-* ~ **kartíya-*, ср. др.-инд. *kṛtí-* (m. или f.) ‘род кинжала, нож мясника’;

- *rāšá* f. (44) ‘груда зерна, хлеб (на току); продукты, продовольствие’ < **rāśí-*, ср. др.-инд. **rāśí-* ‘куча, груда, множество, масса’;
- *zṛə* (45) ‘сердце, душа’ < **zṛdyá-* < **zṛdíya-*, ср. греч. *καρδία* ‘сердце’.

Имена с суффиксом **u*, **wa*

- *psə* (32) ‘мелкая овца’ < **raśú-*, ср. др.-инд. *raśú-* ‘мелкий скот, жертвенное животное, скотина’;
- *wāzə́* (33) ‘сажень’ < **bāzú-* или **baźwá-*, ср. др.-инд. *bañú-* ‘рука, предплечье; мера длины’.

Имена, имеющие дублеты женского рода (*)
или pl. tantum

- *miryá*, *məryá* (31) ‘птица (часто хищная)’ < **mṛgá-*, ср. др.-инд. *mṛgá-* ‘дикое животное,

птица; дичь; газель, антилопа, олень и др.’.

В диалекте вазири есть форма *maṛṇá-* f.

‘небольшая птица’ < **mṛgā́-*. Более того, в

пушту распространены производные с

незакономерной окситонезой *məṛṇáyu*, *maṛṇáyu*

‘птичка, пташка’ и уменьшит. *məṛṇáyu*

‘пташка’ < **mṛgáka-* < *mṛgáká-* и **mṛgākā-* <

**mṛgākā́-* (NEVP: 51; ЭСИЯ-5: 381).

- *bāṇá* (35) ‘ресница, ресницы’ < **paṇá-*, ср. др.-инд. *paṇá-* ‘крыло, перо; лист; оперение стрелы’, наряду с *bāṇá* ‘перо’ и *bāṇá*

‘ресница’ (NEVP: 15); кроме того, может быть pl. tantum < **parnāh*;

- *yārtá* m. (36) ‘жара, зной; жар солнца’, в отдельных диалектах ‘солнце’ < **gartá-*, ср. др.-инд. *ghartá-* ‘солнечное тепло, жар; жаркое время года, день’, греч. *θερμός* ‘теплый, горячий, жаркий’. Наряду с основной мужского рода есть *yārtá* f. ‘полдень’ (NEVP: 32), кроме того, может быть pl. tantum;

- *mazgá, māgzá* pl. m. (37) ‘костный мозг, мозг’
 < **mazgá(n)-*, ср. др.-инд. *majján-* m.
 ‘костный мозг’ и *majjá-* f. ‘костный мозг;
 середина растения’. Pl. tantum < **mazgáh*, ср.
 рус. *мозги*;
- *šaudá, šōdá* pl. m. ‘молоко’ (38) < **xšwiptá-*,
 ср. др.-инд. *kṣiptá-* ‘брошенный,
 выгнанный’. Имеет дублет в женском роде,
šōdá f. ‘молоко’ и может быть pl. tantum.

- Только числительное ‘семь’ как архаичный пласт лексики сохраняет окситонезу и имеет окончание $-á < *-á$: $ōwá$ ‘семь’ $< *haftá-$ или $*haptá-$ $<$ и.-е. *septm̄*, ср. др.-инд. *saptá* ‘семь’, греч. *ἑπτὰ* ‘семь’. При этом нельзя исключить влияние $atá$ ‘восемь’ $< *aštā$ с долготным исходом, как в др.-инд. *aṣṭā-*, греч. *ὀκτώ* ‘восемь’ (или $< *aštá-$, ср. авест. *ašta-* ‘8’).

Поправки к распределению, установленному
В. А. Дыбо

1. Все **a*-охутона в нормальном случае теряют ударение, а затем и конечный гласный и переходят таким образом в баритонезу.
2. Основы на **-ya*, а также окончания множественного числа $\partial < *āh$ (иногда **-ayaḥ* ?) могут в ряде случаев перетягивать ударение (основная версия – в том случае, когда гласный корня краткий **a*).

- Рассмотрение прилагательных и других основ приводит к выводу, что закономерным рефлексом основ на **-á* в пушту являются слова с потерей конечного согласного и неотличимые по форме от продолжающих баритонированные основы праиранского, как *məṛ* ‘мертвый,’ < **mṛtá-*, *sur* ‘красный’ < **suxrá-* и т. д. Именно этим обстоятельством объясняются некоторые мнимые отклонения от исторической окситонезы.

1. *bəl* ‘второй’ < **dwitá-* или **dwityá-* при f. *biya*, ср. др.-инд. *dvitá-* ‘имя божества’, буквально ‘второй’.

2. *caṛ*, f. *caṛá* ‘пастьба, выпас’ < **čartá-* и **čartā-*, ср. др.-инд. *caritá-* ‘ходьба, хождение’. В данных словах смущает только незакономерное *a* (перед группой согласных **a* регулярно дает пшт. *ā*, Грюнберг-Эдельман 1987: 21; Cheung 2011: 171-172), но в данном случае такое развитие может быть результатом влияния

заимствованной из персидского глагольной основы *car-* ‘пастись’ (NEVP: 18).

3. *yal* ‘вор’ при f. *yla* ‘воровка’ < **gadá-* и **gadā́-*, ударение устанавливается по основе женского рода.

4. *yul* ‘кал, экскременты’ < **gūthá-*, ср. др.-инд. *gūthá-* ‘экскременты; грязь; нечистоты’.

5. *yar* ‘гора’ < **gará-* при более ранней праформе **garí-* ‘гора’. На переход из **i-* основы в тематическую указывают также

согдийские и ягнобские данные: ср. согд. *yr-* [*yar-*] ‘гора’ и ягн. *yar* ‘гора; перевал’ «при ранней утрате **-i* и отсутствии умлаута» (ЭСИЯ-3: 191).

6. *māt* ‘сломанный’ < **maštá-*, от глагола **maž-*, который не сохранился в пушту.

Ввиду отсутствия надежных древнеиндийских параллелей окситонеза предположительная.

7. *nal* ‘тростник, трубка’ < **nadá-*, ср. др.-инд. *naḍá-* ‘тростник’, *naḍá-* ‘тростник’.

Последнее слово считается древней основой с индоевропейской этимологией, ср. хетт. *nata-*, *nati-* ‘тростник, трубка для питья; стрела’, лув. *natatta* ‘вид тростника’, арм. *net* ‘стрела’ (EWAia II: 7-8; ЭСИЯ-5: 415-417). На окситонезу указывают также формы собственно пшт. *nalá-* f. ‘трубка’ и вазири *nəlla* ‘large hollow reed; urethra’ (NEVP: 56).

8. *nəp* ‘сегодня’ < **nīnám*, ср. др.-инд. *nīnám* ‘сейчас’.

9. *pal* ‘ступня, след ноги’ < **radá-*, ср. др.-инд. *radá-* ‘шаг, след ноги, отпечаток ноги; место’. Как отклонение в отношении акцентуации рассматривается Дж. Ченгом (Cheung 2010: 113). На самом деле это закономерный рефлекс, как показывают остальные случаи.

10. *skām* ‘стойка, столб’ < **skambá-*, ср. др.-инд. *skambhá-* ‘шест, столб; колонна’.

11. *səl* ‘сто’ < **śatá-*, ср. др.-инд. *śatá-* ‘сто’.

12. *wand* ‘плотина, ров’ < **bandá-*, ср. др.-инд. *bandhá-* ‘цепь, связка’ (Cheung 2011: 174).

13. *wuz* ~ *wəz* ‘козел’, f. *wəzá*, *wza*, также *uzá*, *bza* и *bezá* ‘коза’ < **būzá-* и **būzá̃-*; ударение устанавливается по форме женского рода.

14. *ǰəl*, вазири *šəl* ‘лестница из камней и земли’ < **śritá-*, ср. др.-инд. *śritá-* ‘прислоненный’ (NEVP: 98).

Три прилагательных на -á

ūdá (f. *ūdá*) ‘спящий’ < **huftiya-*

spērá (f. *spērá*) ‘светло-серый, мутный,
загрязненный’ < **świtrá-*

terá (f. *terá*) ‘острый, колкий’ < **tiyrá-*

По всей видимости, после *e* / *ē* либо добавляется **y*, либо происходит умлаут второго слога и на выходе получается *ä*.

Ормури

В. А. Ефимов считал, что такие случаи, как

- орм. лог. Е *yewər*, М *yēwər*, кан. Е *ábər* ‘облако’ < **abrá-*;
- орм. кан. *pat* ‘верхняя часть спины’ < **parštá-*, ср. авест. *paršta-* ‘ребро’;
- орм. лог. Е *suš*, М *sūš*; кан. Е *suš^r*, М *sūš^r* ‘красный’ < **śuxrā-*, ср. др-инд. *śuklā-* ‘белый; светлый, чистый’;

- орм. лог. *srew*, кан. *sre/iw* ‘белый’ < ир. **swaitá-*, ср. авест. *sraēta-*, др.-инд. *śvetá-* ‘белый’;
- орм. лог. *šer*, кан. *šir(r)* ‘хороший, добрый’ < **śrīrá-*, ср. ав. *srīra-*, др.-инд. *śrīrá-* ‘красивый, прекрасный’;
- орм. кан. *noš^ʀ* ‘мягкий’ < **namrá-*, ср. др.-инд. *namrá-* ‘податливый’ (Ефимов 1985: 49-50; Ефимов 1986: 127),
являются примером вторичной баритонезы.
Но нет причины пользоваться этим

термином, поскольку, как и в пушту, двусложные окситонированные имена регулярно дают односложные формы, такие же, как рефлексы баритонированных основ.

Однако другие непроеизводные основы (не *а-основы) могут сохранять следы окситонезы.

- Орм. лог. *morgá* m., кан. *mirgá* f. ‘воробей; пташка’ < **mṛgāh* (не **mṛgá-* из-за сохранения конечного -*á*);
- Орм. лог. *girí, gri*, кан. *gri* ‘гора’ < **garáya-* или непосредственно **garí-* (**i*-основа или **ya-*основа);
- Орм. лог. Е *pe*, М *pē ~ pyē* ‘отец’; кан. Е *pye ~ piyé*, М *piē* < **pitár-* (им. п. **pitā́*), ср. др.-инд. *pitár-*, им. п. *pitā́* ‘отец’ (основа на **-ar*);
- Орм. лог. Е *zle ~ zli*, М *zlī*, кан. *zli* ‘сердце’ < **zṛdyá-* < **zṛdíya-*, ср. греч. *καρδία* ‘сердце’, **ya-*основа (Ефимов 1985: 48).

*-ya-основы с перетяжкой ударения в пушту

mlā ‘поясница’ < **mádyā-*

pla ‘жила’ < **rádyā-*

sra ‘труп, падаль’ < **sáryā-* (но *séra* ‘навоз, удобрение’)

məṛá ‘мужчина, муж’ < **mártya*

Вероятно, формант мог выглядеть как **iyah*, а в трехсложных словах действительно ударение часто передвигается на срединный слог.

Формы множественного числа:

obá ‘вода’ < **ārāh*, но ср. вед. *áras*

Спасибо за внимание!